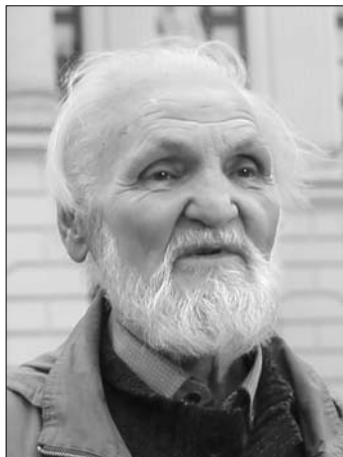

ВЛАДИМИР КРУПИН

РАЗДУМЬЯ

К ЮБИЛЕЮ ДОСТОЕВСКОГО

Вот интересно, за что большевики для первого собрания сочинений избрали именно Достоевского? Почему Толстому сделали музеи и в Москве, и в Ясной поляне, это понятно: благодарили за помощь в свержении монархии, в напаках на Православие, а Достоевский? Видимо, за то, что предсказал неизбежность революции. Бесы читали “Бесов” и были в восторге. Революцию предсказывали и великие святители Феофан Затворник, и Игнатий Брянчанинов, и митрополит Филарет, и особенно святой праведный Иоанн Кронштадский. И вот — революция свершилась. Религиозные мыслители были отвергнуты, книги их изгнаны в спецхран, а Достоевского печатали. Потом и о нём было умолчание, а с 60-х — вновь возвращение. Но здесь сработало то, что известность его за пределами России непрерывно возрастала. С его помощью постигали душу России, суть русского характера.

Немецкий учёный, русист Рихард Лаут прочёл Достоевского вначале на немецком языке. Проникся им, но чего-то не хватало. Тогда он изучил русский язык и прочёл писателя на его родном языке. И справедливо заключил, что даже этого мало. И принял Православие. Вот где главная суть чтения Достоевского: спасение только в Боге.

Русские либералы, по Достоевскому, “не знают историю нашей земли, ни её народа, и оттого, в них ничего не понимающих, неспособны их любить. Они свою ненависть к России принимают за самый благотворный

КРУПИН Владимир Николаевич родился в 1941 году в Вятской земле. Служил в армии, окончил Московский областной пединститут. Автор многих повестей и рассказов, романа “Спасение погибших”, путевых заметок о Ближнем и Среднем Востоке, о Константинополе. Автор “Православной азбуки”, “Детского церковного календаря”, книги “Русские святые”. Лауреат Патриаршей литературной премии имени Кирилла и Мефодия. Печатается в нашем журнале с 1972 года. Живет в Москве.

либерализм... чуть ли не за истинную любовь к Отечеству... Но теперь уже стали откровеннее и даже слов “любовь к Отечеству” стали стыдиться. Даже понятие изгнали и устранили как вредное и ничтожное”. Разве это не нынешнее окологремлёвское окружение?

Писатель с либералами особо не церемонился и в другом месте так охарактеризовал их: “Русский либерал только и ищет, кому бы сапоги вылизать”. И ещё о них, очень подходит и к сегодняшним: “В этих “мировых страдалцах” так много лакейства духовного”.

Большевики перетолковали речь писателя о всемирности русских в свою пользу. “Это он о мировой революции говорит”. И стали считать Россию за растопку. Им усиленно помогали труженики пера. Цитаты: “Мы на горе всем буржуям // мировой пожар раздуем. // Мировой пожар в крови. // Господи, благослови!” Ещё цитата: “Товарищ Ленин, работа адава // будет сделана и делается уже”. И ещё: “Он землю покинул, пошёл воевать, // чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”. Авторы цитат, уверен, узнаваемы. (Блок, Маяковский, Светлов). Где та Гренада и где та Россия?

Пленных немцев кормили лучше, чем сами питались. Пришли в Берлин, и после всего зверства, испытанного от фашистов, имели бы полное право всю Германию с лица земли стереть. Нет, своим солдатам урезали рацион, а кормили детей и жителей Берлина. Где ещё есть такой народ? Всем всегда помогали, кроме себя. Да ещё и считаем себя хуже всех. Разве это не самое настоящее православное смирение?

И всё терпим и терпим. Уже и Гитлера не мы победили, американцы. Уже и Россия — агрессор, Америка — миротворец. Уже и во власти у нас выпускники и стажеры американских школ. Конечно, всё оттуда, от считанья России отсталой. Для Ленина образцом подражания была Парижская коммуна. Шарлотта Корде, Робеспьер — для него герои.

Образ России в западном понимании рисовали свои же. Страна дикая, лапотная, топор, икона, пьянство... да и доселе так. В Берлине ещё лет 30 назад учёные дамы всерьёз спрашивали меня:

— У вас такая опера, такой прекрасный балет, но как вы добираетесь до театра, у вас же, мы читали, совсем нет дорог.

— На медведях ездим, — отвечал я, — а у Большого театра кольца такие специальные вделаны, к ним медведей привязываем.

Теме “Европа и мы” все почти классики наши уделяли внимание. Обычно иронически, как, например, Фонвизин в “Недоросле”. Митрофанушка с восторгом: “Матушка, в Париже даже извозчики говорят по-французски”. У Чехова помещик ловит рыбу, у него зацепился крючок, надо лезть в воду, отцеплять. А рядом сидит живущая в его доме англичанка, воспитательница его детей. Не знает ни слова по-русски. Как сказать ей, чтобы отвернулась. Ничего не понимает. Тогда помещик решительно раздевается при ней, и только тогда она с презрением отворачивается. Он: “Сколько времени живёт, а ни слова по-русски. У нас приказчик поехал, за три месяца стал говорить, как француз”. У Гоголя Собакевич в застолье порицает рационы иностранцев. Не будем цитировать, ибо даже жену Собакевича это весьма смутило.

Достоевский, вспоминая летние впечатления, говорит о французских женщинах, что они очень берегут себя до замужества, но выходят замуж только для того, чтобы немедленно начать изменять мужу.

Сын Карамзина Андрей присутствовал на какой-то церемонии в Ватикане. Рассказывает о диковинных мундирах солдат охраны. Пошёл летний небольшой дождь, “а так как гвардейцы у Папы сахарные, то они разошлись”.

Мой отец начинал жизнь в Уржумском районе. Там были польские ссыльные. Жили с прислугой, завели театр. Учили девушек остригать волосы “под мальчика”. Говорили, что поэтому можно стоять в церкви с непокрытой головой. Развращали молодёжь разговорами о свержении царя. Сбили с пути истинного Серёжу Кострикова, будущего большевика Сергея Мироновича Кирова.

Наши чиновники от образования настолько угробили лучшую в мире школу, настолько внедрили в понимание, что школа даёт не образование, а продукт для дальнейшего его использования, что уже третье поколение

можно назвать Егэнедоумками. Редкие учителя сопротивляются этому, ещё пытаясь говорить о любви, сострадании. Но им всё тяжелей. Сошлось на разговор со знакомой учительницей:

— Знаете, как трудно говорить о Раскольникове. “Подумаешь, — говорят старшеклассники, — нашёл из-за чего страдать. Замочил старушонку, да и пошёл бы с парнями в кафешку”.

Именно на четвёртый день после преступления пришёл Раскольников к Соне Мармеладовой. “Ведь надо же, чтоб человеку было куда пойти”. И привело его сердце точно по адресу, за спасением. Просит её прочесть из Евангелия о Лазаре Четверодневном. Тут символ. Для Раскольникова Соня тоже, как и он, убийца. Пойдя на панель, она убила саму себя. Но именно вера Православная спасает её. Родион прямо-таки подталкивает её к самоубийству: “Разумнее в воду головой, и со всем этим покончить”. Она и сама не раз думала так же. Но: “А с ними-то что будет?” — спрашивает она. Это она о сиротках и о больной Катерине Ивановне. Они только на ней и держатся. И когда читает Евангелие, начавши негромко, то голос её крепнет, становится сильным, “даже зазвенел”.

И доходит до его сознания, что “тварь дрожащая” — это он сам. И не ему её учить, ему её слушаться: “Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрёстке. Страдание принять и искупить себя им, вот что надо”. Совершенно не случайно сказано: на перекрёсток. Это значит: на Крест, на страдания, на покаяние.

Говоря о самоубийстве, нельзя не вспомнить два случая суицида, которые очень взволновали Фёдора Михайловича, это самоубийство Елизаветы, дочери Герцена, нигилистки, передовой суфражистки, и самоубийство молодой швеи, которая выбросилась из окна, прижав к груди икону. Конечно, сразу вспоминается “Кроткая” и евангельское: “Блаженны кротции, яко тии наследят землю”. И долго думать, кто из них будет оправдан.

И ещё о том, что нам, русским, наверное, ещё долго нести Крест непонимания нас миром. По Достоевскому, в нас есть “готовность ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами арийского рода”. Но пока что эти племена “арийского рода” мечтают о нашем устранении из этого мира, не понимая, что без нас они тут же погибнут.

По Достоевскому, миссия России — взять на себя груз всех человеческих страданий. “Ибо что такое сила русской духовности, как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и всечеловечности”.

И русские есть всякие, не без этого. Есть и такие, которые обвиняют в наших бедах не себя, а кого угодно: правительство, чиновников, евреев, но есть же Евангельское: “Царство Божие внутри вас есть”. Можно и в миру спастись, и в монастыре погибнуть. А говорить о том, как евреи нас губят, как делают кабаки, шинки для спаивания русских людей, даже глупо. Везде шинки, везде кабаки. И что? А ты в них не ходи. Раздражает тебя телевизор пропагандой разврата, пошлости, зубоскальства? А ты его не смотри. Ты, знающий русский язык, ты таким богатством владеешь, что же ты им не пользуешься? Под ногами золотые россыпи русского Слова: былины, легенды, предания, пословицы, поговорки, песни, былины, сказания... Здесь и образ жизни, и спасение души.

Величие литературы устного периода сменяет период литературы письменной: Тредиаковский, Сумароков, Державин, Крылов, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Достоевский, Некрасов, Гончаров, Александр Островский, Шмелёв, русская философия. Читал? Перечитай. Зачем бежать за новинками, которые настырно навязывают те же либералы. Зачем в сотый раз читать, как обливают грязью Россию советскую? Не она ли победила фашизм?

Не торопитесь читать новое. Дайте писателю умереть и подождите лет тридцать. Что от него останется? Именно современные писатели боятся классики. Если убрать классику, то и они что-то будут значить.

Нельзя, как говорит Писание, “уклоняться умом в лукавствие мира сего”. Мир сей поклоняется двум русским авторитетам: Достоевскому и Толстому. Один идёт ко Христу и нас приводит, другой отталкивает от церкви, но тоже имеет сторонников.

Россия сейчас — почти единственная страна, где сохраняется присутствие Божие на Земле. Это оттого, что, как выразился Константин Леонтьев, главное в русском человеке — он не разделяет Царства земного и Царства Небесного.

Конечно, сбудутся слова Достоевского о всечеловечности, но только тогда, когда мир поймёт, что путь спасения единственен, он русский.

После Голгофы человечество разделилось на тех, кто за Христа, и тех, кто против. Между ними пропасть. Преодолеть её отпавшие могут только покаянием и приходом ко Христу. Но этого не знает или не хочет знать Европа. Но как не понять, что, кто бы ты ни был, какого бы бога ни исповедовал, судить будет Христос. Богов много, Иисус Христос один.

Сейчас наступило время открытой поляризации мнений и смыслов существования.

СОСЕДСКАЯ СОБАКА

Лет пять назад наши соседи обнесли железным забором свою усадьбу и завели собаку. Что уж там такого они оберегали и что такое охраняла их собака, не знаю и знать не хочу. Но за что невзлюбила меня их собака? Я её даже целиком не видел, только половину большущей клыкостой морды, которую она высовывала из подворотни. Легко было представить остальные её размеры.

И она всегда на меня лаяла. Остервенело лаяла. Издалека чувствовала. Встречала и провожала лаем. Я проходил мимо ворот, она всё лаяла. Я думал: ну, должна же она затихнуть, неужели не ясно, что от меня нет никакой угрозы ни собаке, ни благосостоянию её хозяев. Нет, она лаяла. Всяко пробовал поговорить:

— Ну, за что на меня лаять, ну, что ты за дура такая необразованная, дрянь ты последняя, собака, ты и есть собака, да когда ж ты налаешься...

Говорить с ней было бесполезно. Да и вставить хоть слово в её хрипы и визги все равно не получалось. Тогда я решил действовать по-хорошему. Всё равно у меня что-то оставалось от стола. Я принёс пакет с едой. Но как её протянуть? Ведь руку оттяпает. Вон какие клыки. Положил пакет на бетонный порожек подворотни, взял палочку и стал подталкивать его к её оскаленной лающей морде. Она рванула пакет, вдёрнула его внутрь, замолчала на пять секунд, а потом залаяла на меня с новой силой. Ничего себе. За что?

Всё-таки стал носить ей питание. Даже заранее откладывал. Но всё повторялось. Мгновенно сожрёт приношение и опять оглушительно лает. Аж в ушах звенит.

Однажды в голову пришла мысль: а может, это она так благодарит за приношение? По-другому не может. Так и решил думать.

А как-то мне не спалось, сидел, читал. Вдруг услышал даже сквозь окна, что воет чья-то собака. Почему-то подумалось, что именно соседская. Подождал. Воет. Да так тоскливо, с таким истощным надрывом. Может, что случилось. Переулок наш хорошо был освещён фонарями на столбах. Я быстро надёрнул сапоги, накинул куртку и вышел из дому. На улице вой различался ещё сильнее. Пошёл к знакомой калитке. Да, выла именно моя знакомая. Подошёл. Она... Она не залаяла, она даже замолчала. Впервые. Это было так неожиданно, что я заговорил:

— А чего ты воешь? Кто тебя обидел? А чего у тебя болит? Тебе тоскливо? Ты голодная? — Присел перед подворотней, откуда она всегда высовывала полморды. — Где ты там? — И она тут же высунула свою морду, увидел даже её блеснувшие в электрическом свете глаза.

Мы оба замолчали. Потом я разогнулся, сказал ей, что пойду домой, и пошёл. И она не залаяла мне вслед. Вот удивительно.

А днём опять облаяла как следует. Тогда что это было ночью? Ну да, собаки — потомки волков, которые воют в лунные ночи, может, это как-то прорезалось в её памяти? Не знаю.

Но такая тоска была в её ночном вое, такое предчувствие беды, такая жалоба на несчастную долю, что я уже на неё больше не сердился.

Даже и клички этой собаки не знаю. Да это и неважно. А вот если бы все наши собаки, сговорясь, завьли с такой силой предупреждения о какой-то опасности, вот это было б вразумлением.

“СОКОЛ”

Потерял ручку — велика ли потеря по нынешним временам, да и цена рублёвая, а жалко, привязалась. Вечная ей память, пишу новой, ещё холодной в руке, обтекаемой, как шурёнок, ручкой типа “дипломат”.

Так и бывает — к чему привыкнешь, то и жалко, вот уж воистину — у потерянного кинжала всегда золотая ручка. Или: не радуйся — нашёл, не тужи — потерял. А мама всегда советовала думать так при потерях, что, значит, от чего-то откупишься, что мог потерять большее. Сразу вспоминается у Твардовского: “Потерял боец кисет, заискался, нет и нет...” Или трагическая потеря Тарасом Бульбой трубки. “Стой, выпала люлька, не хочу, чтоб досталась чёртовым ляхам”.

Думая о вещах, окружающих меня, я легко представляю потерю многих из них. Вспоминая опыт жизни в этой части, в части нашествия вещей на человека в наше время, я вспоминаю Аннушку, весёлую, ясную лицом старушку-нищенку. Она всегда приговаривала так: “Мне если какая вещь на дно три раза не понадобится, то я её и выкину”. И вся поклажа её была — холщовый мешочек, в котором был хлеб, луковица, смена белья, кружка и ложка.

Я поднял глаза и посмотрел на вещи вокруг. Да, много их. А вот некоторые было бы жаль. Жаль было бы вот этот приёмничек “Сокол”. Сколько ему лет, не знаю, но много. Много радости принёс он. Особенно когда я жил один, где-нибудь в деревенском доме. Бедный “Сокол” прошёл такие испытания, что вряд ли бы вынесла другая техника. К чужой дворняжке так не относятся, как я к нему относился, — забывал одного в доме, и он зимовал в морозе и сырости, лежал, бывало, под дождём, батарейки из него я не доставал, а выдирал из паутины и ржавчины, втихивал другие, любые. Если не влезали в гнездо, приматывал сбоку, и “Сокол” работал. Зимой, растапливая печь, доставал его из-под перемёрзшей подушки и включал. И он работал. Первое время, пока не отогревалось в нём сердчишко, работал плохо, особенно простуженно хрипели певицы, потом налаживался. Сколько опер, арий, романсов, песен подарил он мне! Работал безотказно, качаясь на трёх могучих волнах Всесоюзного радио. Снисходя иногда к эстрадным программам, он не унижался до спортивных передач.

Но однажды с ним был случай, осенью 76-го. Я жил в дачном домике у знакомых в Подмосковье и ходил в лес. Брал и “Сокол” с собой. Ставил на пенёк, сам садился на другой и чего-нибудь вырезал, а приёмник выключал или включал в зависимости от качества передач. Уже начинало смеркаться. И вдруг приёмник громко, на весь лес произнёс: “Говорит Пекин, говорит Пекин!” И после этого было передано сообщение о смерти Мао Цзедуна. Какое? Видимо, китайская радиостанция по случаю смерти вождя употребила для передачи сверхмощную энергию.

Больше таких штук мой “Сокол” не выкидывал.

Дождь идёт за окном. На плите чайник шумит. По приёмничку передают музыку.

А на могилу Аннушки до сих пор ходят.